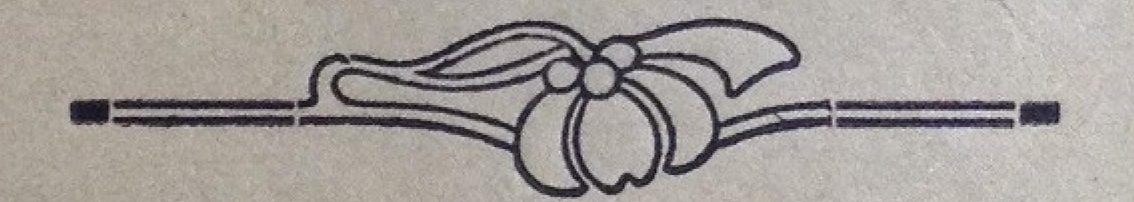
Проф. И. Л. Линниченко.

Малорусская культура.

ОДЕССА.
Типографія Южно-Русскаго Просвѣтительнаго Общества.
1919.

Проф. И. А. Линниченко.

Малорусская культура.

I.

Населеніе Русскаго государства слагается изъ цѣлой массы народностей всевозможнаго происхожденія, какъ славянскаго, такъ и инородческаго. Однѣ изъ нихъ (Грузины, Армяне, Татары, Поляки) имѣли когда то самостоятельную государственность, свою самостоятельную культуру, какъ всякая культура, слагавшуюся подъ чужими вліяніями народовъ болѣе культурныхъ.

Племена болѣе сильныя и талантливыя съ теченіемъ времени выходили на собственную дорогу—усвоивъ себѣ общіе элементы чужихъ, болѣе высокихъ, культуръ, начинали въ культурномъ отношеніи развиваться самостоятельно, создавая новые культурные типы, внося самобытныя черты въ искусство, литературу, науку.

Во избѣжаніе недоразумѣнія сдѣлаемъ необходимую оговорку: еще нашъ древній лѣтописецъ изъ Георгія Амартола усвоилъ себѣ положеніе: „Коемуждо языку овѣмъ законъ испсанъ есть, другымъ же обычая; зане безаконнымъ отечествие мнится".

Культуру, какая ни на есть—государственное (въ широкомъ смыслѣ) устройство, искусство, мы найдемъ у всѣхъ народовъ. Вопросъ только о сравнительной цѣнности такихъ первобытныхъ культуръ.

Многіе народы дальше перваго дѣтскаго лепета въ этомъ отношеніи не пошли—они въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, міросозерцаніи, начаткахъ искусствъ, застыли на цѣлые вѣка въ формахъ первобытныхъ, не развивавшихся. Войдя въ составъ какого нибудь государственнаго союза съ значительно болѣе высокой культурой, такія племена въ культурномъ отношеніи въ немъ растворяются, воспринимая его государственность, подражая его искусству, литературѣ, наукѣ.

Мѣстныя особенности остаются въ глубинѣ народнаго быта, и то только тогда, когда по территоріальнымъ, или инымъ, условіямъ племя остается въ своихъ предѣлахъ и сравнительно мало имѣетъ общенія съ другими провинціями государства; самобытность часто

очень архаическая, интересующая главнымъ образомъ этнографовъ, остается здѣсь въ костюмахъ, пѣсняхъ, повѣрьяхъ, жилищахъ архаическаго типа, первобытномъ искусствѣ и т. д. Интеллигенція такихъ племенъ входитъ въ составъ интеллигенціи всего государства, воспринимаетъ его болѣе обработанный языкъ съ его научной терминологіей, нивеллируется въ школахъ общихъ для всего государства, особенно среднихъ и высшихъ.

Участвуя въ общей творческой работѣ интеллигенціи всей страны (а впередъ культуру двигаетъ вѣдь только интеллигенція), представители отдѣльныхъ племенъ внесутъ въ общее дѣло и свои племенныя особенности, но въ той же мѣрѣ, въ какой, напримѣръ, вносятъ ее отдѣльныя лица одной и той же народности, въ силу большей или меньшей талантливости.

Такой совмѣстной работой разноплеменной интеллигенціи одной націи образуется опредѣленный ея культурный типъ, и въ такомъ смыслѣ мы говоримъ о культурѣ французской, нѣмецкой, итальянской, русской. Частное, личное, мелко-племенное, растворилось въ общемъ, или лучше сказать, *создало это общее*, *этотъ общій типъ*.

Не забудемъ еще и того, что въ націяхъ, составленныхъ изъ разныхъ племенныхъ единицъ, происходитъ и физическій симбіозъ; не говоря о томъ уже, что pater est quem nuptiae demonstrant, совмѣстное сожительство отдѣльныхъ племенъ физически такъ ихъ перемѣшиваетъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ можно говорить о совершенно безпримѣсной чистотѣ *племеннаго* типа. Вѣдь Пушкинъ съ его африканской кровью, Лермонтовъ съ его шотландскими, Л. Толстой съ его м. б. нѣмецкими предками, Жуковскій сынъ турчанки—чисто русскіе по духу народные геніи. И еще замѣчаніе очень важное. Крупныя задачи всевозможнаго характера —государственныя и культурныя, только дружной работой крупныхъ государственныхъ организацій и могутъ достигаться, и если онѣ уже начали создаваться, *то стремленіе перейти опять къ первобытной кустарной работѣ принесетъ культурѣ большой ущербъ.*

Лозунгъ самоопредѣленія національностей—орудіе обоюдоострое, помимо того, что пущенъ то онъ въ самое послѣднее время въ ходъ тѣми, кому такъ нужно было расчлененіе русскаго государства, раздробленіе единой большой силы, дѣйствовавшей въ одномъ направленіи, на мелкія теченія съ дѣйствіями единичными, центробѣжными—какъ семь столѣтій назадъ, такъ и теперь, отсутствіе единства дѣйствія погубило государство.

Еще Константинъ Аксаковъ патетически восклицалъ: „Каждый народъ пусть сохранитъ свой народный обликъ, только тогда онъ будетъ имѣть человѣческое выраженіе. Если отнять у человѣчества его личныя и народныя краски, это будетъ какое то оффиціальное, казенное, форменное человѣчество, но къ счастью оно невозможно. Нѣтъ, пусть свободно и ярко цвѣтутъ всѣ народности, въ человѣческомъ мірѣ, только онѣ даютъ дѣйствительность и энергію общему труду народовъ. Да здравствуетъ каждая народность“.

Что культура только выиграетъ, ставъ многогранной, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ; какъ каждому отдѣльному человѣку должны быть предоставлены всѣ способы для развитія его личныхъ способностей, такъ не должно ставить помѣхъ и народному культурному развитію.

Но одни племена, предоставленныя самимъ себѣ, благодаря ли малой талантливости, благодаря ли условіямъ матерьяльной жизни, благодаря ли малой энергіи, склонности къ инертности, не способны безъ чужой прививки, толчка извнѣ, чужой указки, чужой матерьяльной помощи болѣе энергичныхъ и богатыхъ матерьяльно, пойти далеко въ своемъ развитіи культурномъ, и будетъ ли въ интересахъ общей міровой культуры оставить такихъ безпомощныхъ дѣлать безнадежныя попытки подняться выше того уровня, надъ которымъ возвыситься они самостоятельно не въ силахъ? Неужели мы должны серьезно считаться съ узкимъ семейнымъ шовинизмомъ, мелкими мѣстными самолюбіями, для которыхъ *не сущность, а внѣшность, этикетка*, выше всего, съ тѣми, кто предпочитаетъ первое мѣсто въ своемъ медвѣжьемъ углу второму мѣсту въ крупномъ центрѣ и живетъ наполовину, не развивая, до возможныхъ предѣловъ, своихъ силъ, а поэтому и не принося той пользы своимъ, которую бы они могли принесть имъ, двинувшись сами дальше?

Такіе узкіе шовинисты лишены не только историческаго, но и всяческаго чутья. Они бы хотѣли передѣлать исторію, они во всемъ всегда готовы обвинять кого угодно, но только не самихъ себя — историческія условія, неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, чужую алчность. Чего бы мы только не достигли, еслибы насъ не сковали въ желѣзныя цѣпи, еслибы намъ дали возможность свободно развиваться!

А тутъ рядомъ другіе, поставленные въ еще болѣе тяжелыя условія, выбились изъ нихъ на самостоятельный путь, создали

государство, искусство, науку—и вотъ они объявляются виновными въ неудачахъ тѣхъ, кто на такой путь своими силами выбиться не могъ, обвиняются тѣми, кому эти сильные въ ихъ критическую минуту подали руку помощи и пригласили для общей совмѣстной работы.

И нигдѣ въ мірѣ такая зависть не играла столь опасной роли, какъ среди славянскихъ племенъ, и эту зависть разжигали умѣло и систематически тѣ сосѣди, которымъ казалось всегда опаснымъ соединеніе и усиленіе славянства, и эта зависть мѣшала славянамъ соединиться въ одно цѣлое, такъ какъ *свои же*, постоянно проповѣдуя это сліяніе, въ то же время, какъ напр., наивнѣйшій изъ славянскихъ поэтовъ, Шевченко, или полякъ Мицкевичъ, своими же руками клали колоды между спицъ славянской колесницы. Тотъ-же поэтъ, молившійся,

Щобъ усі Славяне стали
Добрими братами
И синами сонця правди,

въ массѣ своихъ произведеній проповѣдуютъ ненависть къ катамъ москалямъ, точно сговорившись съ польскимъ поэтомъ, призывавшимъ славянъ къ единству, а своимъ совѣтовавшимъ бороться съ братомъ москалемъ, не гнушаясь никакими средствами „измѣна—оружіе рабовъ".

И вотъ фактъ, совершенно неслыханный—мѣстные шовинисты, такъ долго оплакивавшіе денаціонализацію своего народа подъ чужимъ игомъ, обвиняютъ подавшихъ имъ въ трудную минуту руку помощи въ борьбѣ съ чужеземнымъ игомъ, въ томъ, что тѣ помогли имъ *опять стать русскими*, чего они же добивались столѣтіями, и чего собственными силами сдѣлать не могли!

Не напоминаетъ ли это старую басню—спасенный отъ нападенія звѣря упрекаетъ спасителя за то, что онъ испортилъ шкуру животнаго, едва не растерзавшаго охотника? Впрочемъ забывать добро, ненавидѣть тѣхъ, кто его проявилъ, явленіе очень частое.

Post factum начинаютъ отрицать значеніе оказанной услуги —мы бы и сами де выпутались безъ вашей помощи. Въ этомъ комичномъ бахвальствѣ двѣ психологическія черты—оскорбленное чувство слабаго, нежелающаго прослыть слабымъ, и боязнь, что за помощь придется чѣмъ нибудь отплатить...

Наши узкіе шовинисты, неспособные видѣть дальше крошечнаго горизонта, открывающагося имъ съ высоты кукольной

колокольни своего прихода, закрываютъ глаза на все историческое прошлое южно-русскаго племени. Въ какомъ состояніи было это племя въ эпоху возсоединенія значительной его части (сначала лѣвобережной Малороссіи, потомъ юго-западнаго края) съ другими вѣтвями общерусскаго племени?

Оно находилось *на краю полной денаціонализаціи.* Лидеры народа, его высшіе классы, переходятъ повально изъ за матеріальныхъ выгодъ и удовлетворенія своему честолюбію въ лагерь польскій, даже такіе, какъ кн. Острожскіе, чуть не владѣтельные князья, перекрещиваются въ католицизмъ, воспринимаютъ цѣликомъ чужой языкъ, чужой бытъ, входятъ въ ряды шляхты польской.

Народъ теряетъ свою вѣру, свой языкъ — литературный языкъ Малороссіи XVI—XVIII в. это какой то ублюдокъ изъ языковъ южно-русскаго, церковно-славянскаго и особенно польскаго съ примѣсью значительнаго гротеска ученаго макаронизма.

Теряютъ свои старыя правовыя институціи, замѣняемыя польскими, денаціонализируются и въ бытѣ.

Еретики (православные) теряютъ и свои гражданскіе права — уряды доступны только правовѣрнымъ католикамъ. И вотъ вы, узкіе шовинисты, съ слабой памятью, все это забыли.

Вы забыли о тѣхъ безконечныхъ суппликахъ, которыя русское населеніе находившихся подъ польскою властью русскихъ земель вѣчно посылало въ Москву, прося о защитѣ своей вѣры, своихъ правъ. Вы забыли и то, что Москва, Москали, т. е. такіе же Русскіе, но сложившіеся уже въ сильное государство, не оставались глухими къ этимъ суппликамъ, что русское правительство постоянно обращалось къ польскому съ своими демонстраціями по вопросамъ этихъ супплик, и что правительство польское должно было съ ними считаться.

Вы забываете, сколько разъ измученные преслѣдованіями южноруссы посылали въ Москву делегатовъ умолять сѣверовосточныхъ русскихъ освободить ихъ отъ польскаго гнета.

Вы забываете, что соединеніе лѣвобережной Малороссіи съ русскими московскими произошло добровольно, когда временные успѣхи возставшаго казачества смѣнились неудачами, когда населеніе увидало невозможность добиться освобожденія собственными средствами.

Вы забываете, что остальныя южныя и югозападныя русскія

области отошли къ общерусскому тѣлу усиліями русскаго государства, что это возсоединеніе населеніемъ южнорусскихъ областей было привѣтствовано какъ освобожденіе отъ чужеземнаго гнета.

Вы забываете, что возсоединившись съ остальной Русью, южноруссы получили обратно свою вѣру, свой языкъ—т. к. языкъ русскій литературный — *не языкъ одной великорусской* вѣтви русскаго народа, *а результатъ вѣковой работы всѣхъ ея вѣтвей*.

Вы забываете, что даже архаическое (вы его теперь считаете демократическимъ — это въ модѣ — это лозунгъ лѣвыхъ партій интернаціональнаго происхожденія, а наипаче made in Germany) устройство административно-правовое долго продолжало жить въ Малороссіи, пока оно не пошло въ разрѣзъ съ одной стороны съ общими государственными интересами, а съ другой перестало удовлетворять народъ.

Когда то вы это понимали. Одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ украинофиловъ, извѣстный историкъ проф. В. Б. Антоновичъ, большую часть своей жизни посвятилъ освѣщенію того гнета, въ которомъ подъ Польшей жилъ южнорусскій народъ, и вы горячо сочувствовали его работѣ.

Но васъ, легко воспріимчивыхъ, васъ, какъ галлы rerum novarum studios, скоро легко было убѣдить—(а объ этомъ очень старались сначала ваши прежніе господа, не разъ затѣвавшіе политическія возстанія, къ участію въ которыхъ приглашали и васъ, не надѣясь на одни собственныя силы, а потомъ и закордонные волки въ овечьей шкурѣ) — что вы изъ одного рабства перешли въ другое, гораздо худшее, рабство, что москали для васъ каты, а вы изъ воли попали въ тюрьму. Они старались перестроить вашъ старый мажорный побѣдный гимнъ

Гей не дивуйте,

на минорную плаксивую іеремиаду

Уж більше літ двісти
Як козак в неволі
По над Дніпром ходить,
Викликае доли
. . . .
Не выйду, казаче,
Не выйду, соколе,
Ой рада б я выйти,
Сама у неволі;

Гей, у неволі,
У ярми,
Під Моськовьским караулом
У тюрьми.

(Сочинено польскимъ поэтомъ Богданомъ Залѣсскимъ), а вашъ наивнѣйшій поэтъ, авторъ „Гайдамаковъ“, забывъ (скорѣе плохо ее знавъ) исторію родного края, вспоминаетъ вмѣстѣ съ пріятелемъ полякомъ идиллію, какъ въ старину козаки

Братались з вольними Ляхами,
Пишались вольними степами,
В садах кохалися, цвілі
Неначе лілии, дівчата,
Пишалися синами маті,
Синами вольними.

Васъ стараются убѣдить, что крѣпостническая Москва закрѣпостила вольное населеніе Малороссіи, что она убила такой идеально-демократическій строй, какъ свободное устройство Сѣчи Запорожской и вы закрываете глаза и на ужасы крѣпостного права въ Польшѣ, и на рабское положеніе посполитыхъ крестьянъ въ той гетьманщинѣ свободной, которую такъ воспѣвалъ Шевченко, и въ которой старшина давно еще до Екатерины закрѣпостила крестьянъ.

И вотъ вы теперь горько жалуетесь, что васъ ограбили въ конецъ, обобрали, сняли ваши старыя, свободно и гордо державшіяся на плечахъ роскошныя одежды, и одѣли въ однообразную сѣрую московскую сермягу.

У васъ, по вашимъ словамъ, украли все, пышно расцвѣтшую культуру, стоявшую безконечно выше бездарной культуры московской, все, до вашего исконнаго имени включительно — ваше старое имя *Русь*, когда то славное во всемъ мірѣ, украли и присвоили себѣ ваши тюремщики—каты москали. И вы пренаивно забываете, что это имя по происхожденію не ваше — а чужое, и что еще въ сѣдую древность оно изъ названія племенного, названія племени, чуждаго намъ, стало терминомъ политическимъ, еще въ лѣтописную эпоху распространившимся на всѣ наши восточно-славянскія племена.

Вы не можете простить своимъ, что возсоединившись съ остальной Русью, южно-русскій народъ сталъ на совмѣстную работу съ своими же соплеменниками, членами одного національно-государственнаго союза.

Вы не можете простить своимъ, что они, заставъ въ общерусскомъ государствѣ уже сложившiйся литературный языкъ, въ выработкѣ котораго *принимали участiе и раньше*, языкъ уже способный выражать всѣ тонкости мышленiя, языкъ имѣвшiй и научную терминологiю, приняли участiе въ дальнѣйшей его выработкѣ до его нынѣшняго высокаго совершенства и стали пользоваться имъ для выраженiя своихъ мыслей, которыхъ не могли бы выразить на полученномъ вами въ наслѣдство макароническомъ жаргонѣ. Неужели усвоенiе общаго литературнаго для всей страны языка означаетъ денацiонализацiю отдѣльныхъ племенъ, да еще притомъ такъ тѣсно родственныхъ, какъ южноруссы съ великороссами?

Почему такой вопросъ никогда не возникалъ во Францiи съ ея нарѣчiями мѣстными (провансальское, бретонское), въ Германiи съ ея plattdeutsch, въ Италiи съ ея безконечнымъ числомъ нарѣчiй? Развѣ здѣсь дѣло въ количествѣ населенiя, говорящаго на мѣстныхъ нарѣчiяхъ?

Развѣ кто нибудь заставлялъ силою обращаться къ изученiю общелитературнаго русскаго языка?

Нѣтъ, южно-русская интеллигенцiя добровольно, „никимъ же мучима", сама обратилась къ общерусскому литературному языку, дававшему ей средство общенiя не только съ очень уже развившейся русской, но и съ *мiровой* культурой, и только эта духовная необходимость, а не какое либо принужденiе, привела ее къ вступленiю въ ряды общерусскихъ дѣятелей на всѣхъ путяхъ культуры, прежде всего въ литературѣ.

Не характерное ли въ самомъ дѣлѣ явленiе, что кумиръ южноруссовъ, москвофобъ Шевченко, поэтъ на мѣстномъ языкѣ, свои прозаическiя произведенiя пишетъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ?

Какъ всѣ эти Рязанцы, Саратовцы, Орловцы, Нижегородцы, такъ и южноруссы, соединившись съ общерусскимъ тѣломъ, работаютъ дружно въ общей культурной работѣ всего русскаго народа, и мы бы никогда не кончили, еслибы стали доискиваться происхожденiя каждаго русскаго писателя, художника, ученаго— одинъ великороссъ, другой малороссъ, третiй бѣлоруссъ—но всѣ они одинаково *Русскiе,* и мiръ знаетъ теперь *русскую* науку, *русское* искусство, *русскую*, музыку, и ему беразлично, изъ какого уголка необъятной Руси вышли эти дѣятели—ихъ произведенiя проникнуты однимъ общимъ *русскимъ* духомъ, во многихъ отношенiяхъ очень своеобразнымъ.

Такъ, впрочемъ, вездѣ на свѣтѣ, во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, въ національно сложившихся единицахъ. Но вотъ это то и выводитъ изъ себя узкихъ шовинистовъ, кричащихъ истерично „Zdrada" (измѣна).

Для нихъ важнѣе всего *этикетка*. Ихъ узкое самолюбіе требуетъ надъ каждымъ художественнымъ, научнымъ, литературнымъ, произведеніемъ не общей надписи made in Russia, а частный—made in Ukraina (названіе Малая Русь имъ претитъ, такъ какъ если есть Малая Русь, то значитъ есть и Великая, а для нихъ это названіе — или умаленіе ихъ значенія, или могло бы повести къ смѣшенію ихъ съ великороссами, такъ, по ихъ утвержденію, немилосердно ограбившими ихъ въ отношеніи имени и лучшихъ своихъ людей, якобы отрекшихся отъ своей національности—т. е. изъ малоруссовъ ставшихъ общеруссами)!

Что такое made in Ukraina въ отношеніи произведеній литературныхъ и научныхъ при условіи составленія ихъ на нарѣчіи мѣстномъ--однострунномъ инструментѣ — привело бы авторовъ такихъ произведеній съ одной стороны къ полной невозможности точно и ярко выразить свои мысли научныя и литературныя, а если бы это и удалось, то при невозможности заставить міръ изучать мѣстныя нарѣчія (а и крупныхъ языковъ уже слишкомъ много въ мірѣ), такія произведенія или обречены были бы на полную неизвѣстность, или все равно для ознакомленія иноземцевъ пришлось бы переводить ихъ на иные языки, хотя бы даже на языкъ русскій литературный,—объ этомъ не думаютъ эти звонари своей маленькой колокольни.

И вотъ мы приходимъ послѣ всего сказаннаго къ отвѣту на поставленную нами себѣ задачу — существовала ли особенная самобытная малорусская культура, и существуетъ ли она въ настоящее время?

Вспомнимъ слова нашего великаго критика „національное не есть синонимъ простонароднаго. Національное не въ повѣрьяхъ, обрядахъ, а въ твореніяхъ геніевъ народныхъ", въ Фаустѣ „Евгеніи Онѣгинѣ". И прибавлю — Фаустъ не просто докторъ, отвлеченіе, міровой типъ, а *нѣмецкій* докторъ, какъ и Маргарита прежде всего нѣмка; Евгеній Онѣгинъ вѣроятно лучше чѣмъ по русски говорившій по французски, воспитанникъ французскаго abbe', все же остается русскимъ барченкомъ, какъ и одѣтая по послѣдней модѣ прибывшей изъ Парижа Madame и надушенная

послѣднимъ cri Парижской парфюмеріи все же осталась Русской Таней—Русской помѣщичьей дочерью.

Въ произведеніяхъ геніевъ національныхъ міровыя идеи неизбѣжно одѣваются въ мѣстныя одѣянія, мѣстныя краски. То-что въ нихъ велико—это мірового значенія идеи, мѣстныя краски только дѣлаютъ образы понятнѣе, живѣе, *но не онѣ составляютъ сущность великихъ произведеній*, сущность ихъ —не краски, а *идеи*.

Стараясь доказать самобытность Малорусской культуры, ея soi disant историки (въ родѣ Огіенки) прибѣгаютъ къ очень неудачному и невѣжественному пріему относить всю нашу древнюю культуру за счетъ исключительно одного народа малорусскаго. И любопытно то, что украинскіе писатели, такъ превозносящіе малорусскую культуру, не въ состояніи выяснить себѣ самаго понятія культуры. Они никакъ не могутъ сообразить, что въ понятіи *культура* самымъ существеннымъ, доминирующимъ образомъ, входятъ понятія *развитія, движенія впередъ*.

Мы уже раньше указали на преемственность культуръ— однѣ, болѣе совершенныя, оплодотворяютъ менѣе развитыя, какъ прививки высшихъ культурныхъ породъ облагораживаютъ и улучшаютъ породы болѣе грубыя, менѣе цѣнныя. Одни народы способны, да и то очень относительно, только усваивать чужое, другіе не только его усваиваютъ, но и перерабатываютъ въ новыя качественно цѣнности.

Первой такой прививкой къ нашей архаической грубой культурѣ было прививка византійская; она пришла къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и дала первый толчокъ къ развитію нашему во всѣхъ отношеніяхъ (искусству, наукѣ, правовому сознанію, даже государственному устройству) не только въ Кіевѣ, но и по всей Руси—въ далекомъ Новгородѣ, въ Смоленскѣ. Но развитіе нашей старой первобытной культурѣ шло медленно, отъ нея у насъ притомъ осталось очень мало памятниковъ — нѣсколько архитектурныхъ, нѣсколько литературныхъ. И древнѣйшіе изъ этихъ памятниковъ — *не свои, а почти цѣликомъ чужіе*, ихъ создавали чужіе мастера, призванные къ намъ (храмъ Десятинный, Софійскій соборъ, Новгородскій соборъ, Владимірскій)—въ созданіи ихъ *свои* участвовали только трудомъ элементарнымъ, механическимъ, между тѣмъ какъ вся сторона *идейная* (т. е. *культурная*) принадлежитъ иноземцамъ.

Историки искусства, какъ и историки литературы, употребили много труда, чтобы отыскать въ нашихъ старыхъ памятникахъ слѣды *самобытнаго* (а не исключительно подражательнаго) нашего русскаго творчества, и результаты такихъ изысканій очень скудны. Памятники юридическіе или представляютъ собою простую рецепцію (какъ постановленія права каноническаго), или запись первобытныхъ кутюмовъ, какъ и leges barbarorum, въ которыхъ тоже не удается найти слѣдовъ болѣе развитыхъ (чужихъ) правовыхъ нормъ.

Конечно, самобытное можетъ привлекать своего только какъ *свое,* независимо отъ его достоинствъ, (а ачень узкіе шовинисты готовы свое плохое предпочитать чужому хорошему), но всѣхъ остальныхъ самобытность интересуетъ только со стороны ея внутренней цѣнности; въ ней ищутъ *новыхъ* словъ въ искусствѣ, наукѣ, литературѣ; и это новое не потому и тогда цѣнно, когда оно ново, а когда это новое и на самомъ дѣлѣ культурноцѣнное, плюсъ въ міровую культуру.

Щирые поклонники самобытности quand même неумѣренными восторгами передъ своимъ, подражаніемъ не только устарѣвшему, но и мало цѣнному въ культурномъ отношеніи, замедляютъ ходъ культурнаго развитія въ родной странѣ. Они являются plus royalistes que les rois même и, требуя исключительно воспроизведенія старыхъ формъ, сковываютъ свободный полетъ художественнаго творчества. Они не могутъ понять, что для художника свое и чужое только матерьялъ, претворяемый имъ въ нѣчто новое.

Только *талантъ* представляетъ тотъ горнъ, съ высокой температурой, въ которомъ химически видоизмѣняется вложенное въ него содержимое. У бездарностей температура слишкомъ низка, чтобы матерьялъ химически видоизмѣнять — разнородное по составу лежитъ тамъ рядомъ и перемѣшивается только механически—не давая новыхъ соединеній.

Лишь только схваченные за горло нѣмцы для своего спасенія провозгласили устами нашихъ большевиковъ принципъ самоопредѣленія народовъ, украинофилы, какъ галиційскіе, такъ и наши, выпустили цѣлыя митральезы брошюръ и книгъ съ доказательствами необычайно пышнаго расцвѣта малорусской культуры, развитіе которой было въ самомъ ея апогеѣ придавлено желѣзной пятой катовъ москалей.

Но увы! На этихъ книгахъ и брошюрахъ оправдалось классическое: parturiunt montes, nascitur ridiculus mus. Даже больше—

произведенія эти во очію доказали съ одной стороны отсутствіе *самобытной* (самостійной) украинской культуры и par contraste богатство и огромное значеніе охаянной ими культуры общерусской (для нихъ, въ силу частью невѣжества авторовъ, частью въ силу ихъ шовинистической тенденціи — культуры только великорусской), и причина, почему это вѣтвь русскаго народа ничего оригинальнаго и культурно-цѣннаго не выработала, заключается не въ преградахъ, которыя были поставлены его свободному развитію, а въ чемъ томъ то другомъ.

Новѣйшие quasi историки малорусской культуры начинаютъ очень широковѣщательно, громкими и горделивыми эмфазами— восторгами передъ величіемъ и своеобразностью малорусской культуры—величие это выразилось въ пѣснѣ, орнаментѣ, архитектурѣ, правѣ, церкви, формѣ письма, обычаяхъ, языкѣ, литературѣ наукѣ, поэзіи, философіи—однимъ словомъ рѣшительно во всѣхъ проявленіяхъ культурнаго творчества.

Но, увы! переходя къ изложенію добытковъ этой культуры, ея горячіе поклонники или не могутъ ничего сказать объ отдѣльныхъ проявленіяхъ этой великой культуры, или проявляютъ въ своемъ изложеніи поразительное невѣжество, или подсовываютъ подъ продукты культуры якобы малорусской произведенія чужія, созданныя индѣ.

По словамъ этихъ щирыхъ поклонниковъ всего малорусскаго, пѣсни малорусскаго народа выше пѣсенъ всѣхъ народовъ, съ ними можетъ сравниться развѣ только пѣсня сербская. Но что эта пѣсня осталась только народной, что музыка малорусская не развилась, мѣстные композиторы или только примитивнѣйшимъ образомъ ее гармонизируютъ, или какъ покойный, Н. В. Лісенко, очень мало двинули ее впередъ, объ этомъ ни слова.

Восхищаясь очень примитивнымъ орнаментомъ малорусскихъ кустарныхъ произведеній, историки малорусской культуры не подозрѣваютъ, что орнаментъ этотъ далеко не самобытенъ, что онъ привнесенъ въ Малороссію съ Балканскаго полуострова и изъ южной Германіи.

Одни историки малорусской культуры мѣстной архитектурѣ посвящаютъ всего только строчку: „она мало изслѣдована, но отличается оригинальностью". (Огіенко). Другіе стараются найти въ малорусской церковной архитектурѣ черты самобытности, свыше всякой мѣры превознося ея превосходство передъ неуклюжими грубыми и безвкусными храмами Московскими (Василія

Блаженнаго они конечно не знаютъ), но знаютъ только нѣсколько церквей малорусскаго типа, и не знаютъ того, что церкви эти сколокъ съ церквей Галицкихъ, а формы тѣхъ въ свою очередь заимствованы съ запада.

Малорусскаа литература XVII—XVIII в. разумѣется въ представлении такихъ quasi—историковъ стоитъ необычайно высоко, и конечно безмѣрно выше литературы Московской.

А что первая находилась подъ сильнѣйшимъ влiянiемъ литературы польской, была прямо таки ея сколкомъ, не давъ ничего своего оригинальнаго, объ этомъ конечно ни слова.

Переходя къ XIX вѣку, историки малорусской культуры[1]) съ рѣдкой смѣлостью, заявляютъ, что лишь только національное возрожденіе докатилось до Малороссiи, она сразу стала на твердую народную почву, и литература ея оказалась на уровнѣ великихъ мiровыхъ культуръ—въ творенiяхъ писателей, не только западной, но и русской литературѣ абсолютно неизвѣстныхъ — Глѣбова, Руданскаго, Свидзинскаго, Коцюбинскаго, Мирнаго, Кухаренко, Гулакъ-Артемовскаго, Стефаника, Бордуляка, и такихъ, что извѣстны лишь нашимъ присяжнымъ знатокамъ литературы, но по значенію своему могутъ быть отнесены только развѣ къ dii minoris (да и нѣкоторые изъ нихъ писали больше на языкѣ общерусскомъ—Гребенка, Квітка Основьяненко, Кулишъ).

Лучшiя произведенiя мiровой литературы, по словамъ историковъ литературы малорусской, почти всѣ переведены на языкъ малорусскій. (Ьсе краще з світовой литературы вже перекладено на нашу мову), а это то все заключается въ нѣкоторыхъ драмахъ Шекспира, переведенныхъ Кулішемъ, Иліадѣ, Одиссеѣ и Антигонѣ, (Огiенко[1]) но вѣроятно знанiя малорусскихъ историковъ литературы дальше этихъ произведенiй и не идутъ.

И наука украинская можетъ быть поставлена, по словамъ историковъ малорусской культуры, наравнѣ съ западной наукой,—но тутъ положенiе историковъ стало болѣе затруднительнымъ—найти ученыхъ, писавшихъ на языкѣ малорусскомъ было невозможно, пришлось перечислять писавшихъ исключительно на языкѣ общерусскомъ[2]), или зачислить въ ученые малорусскiе

---

1) Огiенко—Украинска Культура, 111.

2) Въ исторiи литературы принципъ иной—тамъ перечисляются только писавшие на языкѣ малорусскомъ, почему Гоголь, отшепенецъ, ни строчки на мѣстномъ нарѣчiи не писавшiй, къ малорусскимъ писателямъ не относится.

не малороссовъ по происхожденію (Антоновича—поляка, Орлая, Петрова), но, увы! списокъ этотъ учеными міроваго значенія не блещетъ.

Вотъ и весь балансъ великой самобытной малорусской культуры.

И вотъ такимъ образомъ барды великой и самобытной малорусской культуры, ея quasi историки, очутились въ положеніи очень комичномъ. Они ея *не нашли*, и не нашли по той простой причинѣ, что не умѣли (или не хотѣли) ея искать. То, что для нихъ представляетъ культуру самобытную—первобытныя этнографическія архаическаго типа *особенности въ общекультурномъ отношеніи малоцѣнныя.*

А между тѣмъ они проглядѣли все культурно—цѣнное, что создано малороссами, и проглядѣли потому, что на немъ нѣтъ *этикетки. Это цѣнное—русская культура*, *русское* искусство, *русская* наука, *русская* музыка созданныя *совмѣстнымъ трудомъ главнымъ образомъ двухъ вѣтвей русскаго народа великорусскаго и малорусскаго* (при участіи конечно и другихъ живущихъ въ Россіи національностей, усвоившихъ русскій языкъ и нашу культуру).

И въ то время, какъ одна вѣтвь нисколько не безпокоится о томъ, что бы на предметахъ нашей культуры стояло—на однихъ made in great Russia, а на другихъ—made in Russia little, мѣстные украинскіе шовинисты кричать караулъ, насъ ограбили, *наше* выдаютъ за чужое.

Я люблю украинскую ночь, люблю малорусскую пѣсню, садокъ вишневый коло хаты, но я люблю ихъ какъ туземецъ, какъ *свое родное*, безотносительно къ ихъ цѣнности—это *свое*, всей своей совокупностью вошедшее съ дѣтства въ мое сознаніе, оно срослось съ нимъ, оно мнѣ ближе и понятнѣе чужого, болѣе красиваго, эффектнаго, цѣннаго. Я люблю его *сердцемъ*, а не разумомъ, сознаніемъ.

Но украинская ночь стала всемірно извѣстной только по рисункамъ поэтическимъ Пушкина и перенесенная на палитру Куинджи. Народная пѣсня наша стала извѣстна міру только въ произведеніяхъ Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, когда сырой матерьялъ получилъ обработку въ таинственномъ *горнѣ таланта*, гдѣ одно кристализовалось въ цѣнные алмазы, другое отпало въ шлакъ.

Мы изучаемъ языки высоко-культурныхъ націй—французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, для того, чтобы пріобщиться къ ихъ культурамъ. Языкъ русскій стали изучать на Западѣ только тогда, когда на немъ появились произведенія *міровыхъ* геніевъ—Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого, Тургенева.

А для чего иностранецъ сталъ бы изучать малорусскій языкъ? Мы, говорятъ щирые украинцы, создадимъ великую культуру на нашемъ родномъ языкѣ. Но вѣдь пока на этомъ языкѣ нѣтъ ни одного произведенія мірового значенія, вѣдь какъ ни раздували славу батька Тараса, онъ все же остается лишь поэтомъ народнымъ, близкимъ и понятнымъ только своимъ—и мірового значенія имѣть не можетъ, поэтомъ такъ сказать этнографическимъ. А для того, чтобы читать въ подлинникѣ порнографію какого нибудь Винниченка—члена украинской директоріи, лепетъ разныхъ Маковѣевъ et tuttiquanti, имена коихъ Ты только, Господи, вѣси, для этого едва ли кто рѣшится взять на себя трудъ изученіе языка малорусскаго, а тѣмъ болѣе жаргона Галиційскаго.

Дядя Чичикова былъ человѣкомъ умнымъ—онъ обѣщалъ племяннику завѣщать ему свои двѣсти душъ, но только тогда, когда Чичиковъ пріобрѣтетъ собственнымъ трудомъ своихъ двѣсти. Всякое искусство интересуетъ міръ только тогда, когда оно изъ сферы безсознательной, исключительнаго подраженія, переходитъ въ сферу *творчества идейнаго*. Общерусское искусство, общерусская наука, русская музыка, уже находятся въ этой стадіи, это уже *новое слово*, и постолько оно интересуетъ міръ. А новымъ оно стало, пройдя горнила родныхъ талантовъ, воспринявшихъ міровую культуру, но не потерявшихъ отличительныхъ свойствъ своей національности русской—въ которой слились всѣ вѣтви нашего русскаго народа.

Еще одно послѣднее сказаніе.

Замѣчу, что въ малорусской вѣтви русскаго народа одно *общерусское* качество развито сильнѣе, чѣмъ у двухъ другихъ его вѣтвей, а одна способность, присушая вѣтви великорусской, у вѣтви малорусской, если не совершенно отсутствуетъ, то развита въ очень слабой степени. Это первое качество—*воспріимчивость*; большое развитіе его у вѣтви малорусской зависитъ отъ меньшей сравнительно съ великороссами подвижности малоросса, большей обезпеченности его жизни; природа на одинаковыхъ по размѣру участкахъ земли даетъ ему больше, чѣмъ великороссу, и ему приходится меньше копошиться, не такъ не-

устанно трудиться, какъ жителю сѣверовостока, онъ такъ сказать привыкъ получать больше готоваго отъ природы, и потому менѣе склоненъ къ изобрѣтательности, происхожденіе которой лежитъ въ необходимости, въ желаніи пополнить силами природы недохватку личныхъ средствъ. Беря готовое у природы, малороссы болѣе великороссовъ склонны такое же готовое брать у человѣка.

Русскій народъ весь отличается замѣчательной воспріимчивостью. Воспріимчивость качество очень цѣнное, это залогъ прогресса. На первыхъ стадіяхъ развитія народъ воспринимаетъ сначала внѣшнія стороны чужихъ культуръ, какъ болѣе яркое, болѣе брасающаеся въ глаза par contraste съ своимъ, болѣе понятное еще не окрѣпшему сознанію, малоопытности въ разборкѣ своего и чужого. На эту внѣшность съ жадностью бросаются неофиты—имъ кажется, что подражая до мелочей чужому одѣянію, они войдутъ тотчасъ въ число тѣхъ избранныхъ, что представляются имъ образцомъ всего новаго, лучшаго. Достаточно вспомнить нашъ XVIII в. и его галломанію. Ее высмѣивали не одни старовѣры, тяжелодумы, сроднившіеся съ своимъ, а и тѣ (достаточно указать на Н. И. Новикова), кто прекрасно понималъ родную отсталость и значеніе добытковъ чужой культуры.

Но условія этой воспріимчивости были иныя на сѣверо-востокѣ и юго-западѣ. Тамъ стимулы были только идейные и экономическіе, здѣсь къ нимъ присоединился и стимулъ политическій.

Здѣсь усвоеніе чужой культуры было условіемъ гражданскаго и политическаго полноправія, политической необходимостью.

Усвоеніе чужой культуры одними и отстаиваніе своего въ его statu quo другими, и было причиною, почему юго-западъ въ культурномъ отношеніи не развился самостоятельно, не создалъ самостоятельной культуры, оставшись при старыхъ архаическихъ формахъ культуры древне-русской, унаслѣдованной отъ древняго и средняго періодовъ нашей общей жизни.

Съ возсоединеніемъ юго-запада съ сѣверо-востокомъ исчезла и необходимость усвоенія чуждаго народной жизни и отстаиванія своего, въ его неподвижной стадіи; юго-западъ вошелъ въ колею общерусской политической и культурной жизни и *создалъ одинъ типъ культуры общерусской*—необходимость въ созданіи культуры мѣстной, сепаратной, сама собою отпала. Замѣчу еще, что при гипертрофіи воспріимчивости малорусская вѣтвь русскаго народа отличается атрофіей чувства *государственности*, сознанія государственнаго, и еще извѣстный знатокъ малорусской исторіи,

кіевскій профессоръ В. Б. Антоновичъ, котораго никто изъ щирыхъ украинцевъ не заподозритъ въ москалефильствѣ, въ концѣ своей жизни съ грустью признался, что малороссы народъ не государственный, они потому въ XVII ст., когда для этого явилась возможность, и не создали государства, что у нихъ это чувство государственности не было такъ развито, какъ у привычныхъ къ сплоченію великоруссовъ.

И лучшее доказательство этому попытки послѣдняго времени созданія въ Малороссіи самостійной государственной единицы ad maiorem gloriam Австро-Германіи.

Францiя, Италія, Германія, только тогда стали сильны, когда отдѣльныя ихъ части государственно и культурно слились въ одну націю, и такое соединеніе было результатомъ глубокаго и *сознательнаго* развитія чувства государственности, яснаго сознанія необходимости такого сплоченія во имя интересовъ *всей націи.*

Наше расчлененіе на самостійныя республики результатъ сознанія *не нашего, а чужого,* выгодъ не нашихъ, а вражескихъ. Отстаивающіе вивисекцію единой Руси частью жалкіе честолюбцы, частью подкупленные провокаціонные агенты. А народъ къ политическимъ вопросамъ совершенно индифирентенъ, въ лозунгѣ самостійная Украина онъ слышитъ одно ей понятное — panem et circenses.

Ужъ если щирые украинцы, враги сознательные и наивно безсознательные не только ненавистнаго имъ Москаля, но и якобы возлюбленной своей Украины, такъ влюблены въ нѣмца, пусть вспомнятъ знаменитую троицу нѣмецкаго философа Гегеля, его формулу силлогизма — положеніе, отрицаніе, и новое высшее положеніе. А это высшее въ исторіи народовъ—*нація.* Отдѣльныя части выдѣляются въ самостоятельныя единицы, когда на это есть глубокія органическія причины—такъ выдѣлилась теперь Чехія, Сербія, Юго-Славія. Но здѣсь у насъ, въ Малороссіи, все —языкъ, бытъ и религія, культура, общность всѣхъ экономическихъ условій, неотразимо влекутъ всѣ вѣтви русскаго народа къ тѣсному единенію, единственному прочному залогу мощности всего русскаго организма и благосостоянія каждаго отдѣльнаго члена великаго въ прошломъ и, дастъ Богъ, еще великаго въ будущемъ Русскаго Народа.

Проф. И. А. Линниченко.